
ЕВГЕНИЙ МОШКИН
ПОСЕЙДОНИЯ

Евгений Мошкин

Посейдония

«Автор»
2026

Мошкин Е. В.

Посейдония / Е. В. Мошкин — «Автор», 2026

Солнце умирает. Океан Посейдонии — Нептуна, превращённого людьми в новый дом, — нагревается до критической отметки. На орбите ждут тысячи «Ковчегов», но спастись смогут лишь избранные.Миллионы лет человечество живёт разделённым. Платформеры управляют городами под куполами, а генетически изменённые Пловцы добывают в глубинах океана топливо и пищу для тех, кто наверху. Теперь старая несправедливость грозит обернуться войной — в тот момент, когда времени на спасение почти не осталось.Инженер Марк Вэнс и навигатор Кира обнаруживают: древние механизмы терраформирования хранят забытое решение. Чтобы привести их в действие, придётся разгадать замысел предков, противостоять политическим интригам и сделать невозможное — заставить два народа довериться друг другу.Научно-фантастический роман о технологиях, власти и цене общего будущего.

© Мошкин Е. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ 6
ГЛАВА 1: Эффект присутствия 11
ГЛАВА 2: Бездна под давлением 16
ГЛАВА 3: Кремниевые тиски 19
ГЛАВА 4: Коды мёртвой луны 24
ГЛАВА 5: Шесть процентов 28
ГЛАВА 6: Тень Оркана 33
ГЛАВА 7: Свинцовый шторм 37
ГЛАВА 8: Цена выживания 42
ГЛАВА 9: Матрица власти 47
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Евгений Мошкин
Посейдония

Per aspera ad astra
Посвящается моей жене Кате и моим детям Севе и Свете.

ПРОЛОГ

ГЛАВНЫЙ СЕНАТСКИЙ АРХИВ ПОСЕЙДОНИИ
ИСТОРИКО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ИНДЕКС
СВОДНАЯ ВЫПИСКА: ФОРМИРОВАНИЕ ПОСЕЙДОНИИ И УСТРОЙСТВО ОБЩЕСТВА

Фондовый индекс: ГСА/ВИ-001 Классификационный индекс: ИТИ/ТП-007

Предмет записи: состояние Солнечной системы в период Великого Исхода; терраформирование Нептуна; антропогенная биосфера; Закон о Биологическом Оптимуме; производственная структура; орбитальный эвакуационный флот.

1. Предпосылки Великого Исхода и выбор объекта терраформирования

В период расширения Солнца интенсивность излучения, поступавшего к Земле, превысила возможности имевшихся систем защиты. Отражающие комплексы, размещённые в точке Лагранжа, перестали обеспечивать необходимое экранирование. Под действием теплового потока происходило испарение земных океанов и полная потеря воды в атмосфере Земли.

На момент начала Великого Исхода технологии сверхсветового перемещения и транспортных переходов через кротовые норы не были освоены. Население сохранялось преимущественно в приполярных районах Земли у Последнего океана, в ограниченном числе поселений на Марсе и на спутниках планет-гигантов. Марсианские колонии были заброшены в результате потери атмосферы планетой под ударами солнечного ветра; ледяные купольные сооружения Европы и Ганимеда не справлялись с возросшим потоком тепла стареющего Солнца.

Для долговременного размещения населения был выбран Нептун. Выбор определялся расположением планеты во внешней области Солнечной системы, её массой и возможностью формирования водной оболочки и пригодной атмосферы после инженерного преобразования. В исходном состоянии Нептун для постоянного проживания людей был непригоден.

2. Снижение массы газовой оболочки Нептуна

До преобразования внешняя водородно-гелиевая оболочка Нептуна имела толщину в несколько тысяч километров. В состав планеты входили водород, гелий, метан и вода. В глубоких слоях давление достигало миллионов атмосфер, а температура — тысяч градусов. В этих условиях вещество существовало в сверхкритическом и суперионном состоянии; устойчивая твёрдая поверхность, пригодная для размещения сооружений, и стабильная жидкая фаза отсутствовали.

Первым этапом терраформирования стало удаление части водородно-гелиевой атмосферы. На спутниках Нептуна была развёрнута распределённая система лазерных комплексов. Лазерное излучение направлялось на верхние слои атмосферы для их нагрева и ускорения молекул газов до скоростей, достаточных для преодоления гравитационного притяжения планеты.

Этап лазерной разгрузки продолжался приблизительно 1 000 лет. Темп удаления газа составлял миллионы тонн в секунду. При выбросе вещества в космос образовывался плазменный шлейф протяжённостью в миллионы километров. По мере уменьшения массы оболочки давление в нижних слоях снижалось. Металлический водород, находившийся ранее в жидком состоянии под высоким давлением, переходил в газовую фазу, поднимался вверх и начинал участвовать в процессе облегчения планеты.

3. Абляционные Узлы и образование океана

После снижения давления и появления твёрдой поверхности на границе мантии были введены в эксплуатацию 24 Абляционных Узла. Узлы представляли собой автоматические станции площадью в сотни квадратных километров, спущенные с орбиты и закреплённые в области формирующегося дна. Их силовые контуры использовали энергию недр планеты.

Лазерные эмиттеры Абляционных Узлов воздействовали на внутренние слои газовой оболочки. В результате нагрева обеспечивалось дальнейшее расширение и удаление газа. Работа донных установок дополняла орбитальную лазерную систему и продолжала снижать давление.

При достижении равновесных условий водно-аммиачный слой конденсировался в атмосфере и выпадал осадками на поверхность. Сформировался океан глубиной приблизительно 70 км. Ускорение свободного падения на преобразованной планете составляло около 1,8 g. В дальнейшем планета получила название «Посейдония» в честь древнегреческого бога Посейдона, повелителя морей.

Высокая концентрация аммиака делала океан непригодным для земных организмов без специализированной биологической адаптации или защиты. Дальнейшее терраформирование включало изменение химического состава атмосферы и создание биосферы, способной перерабатывать остаточные токсичные соединения.

4. Формирование атмосферы и коррекция орбит спутников

Для запуска процессов фотосинтеза требовались триллионы тонн углекислого газа. Необходимый объём был получен с помощью паровой конверсии при взаимодействии метана с водой под воздействием лазерного излучения. В результате реакции образовывались водород и углекислый газ. Лёгкий водород продолжал уходить в космос; углекислый газ сохранялся в атмосфере и участвовал в формировании парникового эффекта и последующем фотосинтезе.

Для насыщения атмосферы азотом использовались поверхностные залежи азотного льда Тритона. Их поднимали на орбиту луны, чтобы затем отправить по баллистической траектории на Нептун.

Уменьшение исходной массы Нептуна изменило параметры орбит его спутников. Для коррекции применялись Гравитационные Якоря — размещённые в глубине Тритона установки, формирующие направленный импульс посредством локального изменения гравитационного поля. Зафиксированное назначение системы в период терраформирования — восстановление устойчивых орбит спутников после перераспределения массы системы.

5. Создание биосферы и последующая эволюция

В океан были выпущены миллиарды специально созданных микроорганизмов: хемосинтезирующих бактерий и простейших кремниевых водорослей. Проектные функции включали связывание аммиака, потребление углекислого газа и выделение свободного кислорода. Эти организмы использовались как биологический компонент системы терраформирования.

В течение последующих миллионов лет исходные популяции подвергались изменениям под воздействием высокой температуры, давления и химически агрессивной среды. Эволюционное развитие вышло за пределы предусмотренных генетических алгоритмов. В глубинных слоях сформировались самостоятельные группы биокремниевых организмов.

К документированным формам глубинной фауны относятся медузы-струнники, использующие плотные слои рассола, и бронированные цефалоподы. Возникшие биологические сообщества существовали вне исходной схемы контроля над организмами, внедрёнными при терраформировании.

6. Заселение планеты. Закон о Биологическом Оптимуме

Создание океана не обеспечило условий для расселения популяции человечества. На водной поверхности отсутствовали почвы для традиционного сельского хозяйства и естественные скальные основания под городские фундаменты. Первые поселения строились в виде плавучих купольных конструкций, объединённых в города-соты. Их вместимость ограничивалась объёмами доступных строительных материалов и вспомогательной инфраструктуры.

Металлы и углеродные композиты поступали с каменистых лун Урана на автоматических рудовозах. Поставки не обеспечивали строительство купольных поселений для всего населения. Дополнительным ограничением выступала гравитация около 1,8 g, повышавшая нагрузку на опорно-двигательный аппарат и сердечно-сосудистую систему людей земного типа.

В указанных условиях был принят «Закон о Биологическом Оптимуме», закрепивший разделение населения по способу биологической адаптации, месту проживания и доступу к ресурсам. Данный период получил обозначение «Великая Сегрегация».

Группы населения, контролировавшие государственную власть, материальные ресурсы и патентные права на технологии, сохранили человеческий облик и получили право жить в купольных поселениях столицы «Аква-Прайм». Их физиологическая адаптация предусматривала внешние экзоскелеты, титановые суставные эндопротезы и ограниченную модификацию лёгких для дыхания в искусственной атмосфере при давлении 5 бар. За этой группой закрепилось обозначение «Платформеры».

Для остального населения предусматривалась обязательная комплексная генетическая модификация как условие размещения на планете. Её программа включала увеличение грудной клетки, изменение метаболизма крови, замену костных структур гибкими биокремниевыми хрящами и развитие жаберного аппарата, обеспечивающего поглощение кислорода из водно-аммиачной среды.

Генетически адаптированную популяцию обозначили как «Пловцы». Местом её расселения стали океанские сектора. Различия в правах, месте проживания и профессиональном доступе стали наследственными и сохранялись на протяжении последующих миллионов лет.

7. Производственная система, снабжение и орбитальная инфраструктура

Экономическая организация Посейдонии строилась на взаимозависимости двух территориально и юридически разделённых групп населения. Нижний Город обеспечивал поставку дейтерия для энергетических реакторов Верхнего Города и белковой пасты с водорослевых ферм, используемой в продовольственном снабжении.

Верхний Город осуществлял встречные поставки стабилизаторов ДНК, медикаментов, композитных материалов, электроники, технологического оборудования и иной продукции высокотехнологичных производств. Производственная база Верхнего Города использовала углеродное волокно и редкоземельные металлы, доставлявшиеся с орбитальных объектов.

Основным транспортным звеном между планетарными производствами и орбитальной инфраструктурой являлся Космический Лифт. Он соединял «Аква-Прайм» с орбитальной станцией «Орбитал-Прайм» и обеспечивал доставку материалов для производства и обслуживания сооружений.

На орбите строились тысячи крупных межзвёздных транспортных кораблей, обозначенных как «Ковчеги». Они предназначались для эвакуации населения на завершающей стадии эволюции Солнца, после сброса его внешней газовой оболочки и перехода в состояние белого карлика.

ГЛАВА 1: Эффект присутствия

Синхронизация титановых суставов с приводами экзоскелета каждое утро занимала ровно три минуты.

Марк Вэнс сидел на краю жесткой гидроподушки своей кровати в жилом модуле сектора «Бета-3». Воздух в комнате, сжатый системами жизнеобеспечения до штатных пяти атмосфер, был настолько плотным, что казался осязаемым — при каждом движении руки Марк чувствовал легкое, вязкое сопротивление среды. Минимальная генетическая модификация легких, доставшаяся ему от предков-Платформеров, защищала кровь от азотного опьянения и кислородного яда, позволяя дышать этой тяжелой смесью без всяких барокамер. Но к физическому весу Посейдонии привыкнуть было невозможно.

Встроенный под кожу левой голени диагностический чип тихо пискнул, калибруя пьезоамортизаторы «Орто-Прайм» под текущую гравитационную нагрузку и связывая их с процессором внешнего корсета. Внутренний имплант и внешняя рама выстроились по единым

осям движения с едва слышным гидравлическим щелчком. Без этой минутной настройки новейший «Атлант-4» при первом же шаге в гравитации 1,8g мог запросто вывернуть его искусственные колени наизнанку. Корсет глухо зажужжал сервоприводами, принимая на себя удар планеты. Гермошлем инженерного скафандра висел на поясном креплении.

Марк шагнул за порог жилого модуля, и бронированная гермодверь за его спиной бесшумно закрылась. Он сразу попал на главную транспортную магистраль, подчиненную строгой геометрии углеродных сот. Над головой Марка высился колоссальный прозрачный купол, сквозь который пробивался ядовитый багровый свет стареющего Солнца. Воздух в Верхнем Городе, очищенный фильтрами от аммиачного выдоха океана, был сухим, неподвижным, но не стерильным.

Транспортная лента траволатора несла Марка мимо технических секторов к шлюзовому доку «А-14». Через прозрачный композитный пол под ногами открывался вид на Нижний Город — «Мокрый сектор». Контраст был значительным. Если наверху царил стерильный минимализм Платформеров, то внизу, в бездне, бурлил инопланетный муравейник Пловцов. Сотни неоновых вывесок мерцали в иссиня-чёрной толще океана. Там, в воде, Пловцы на гидробустерах не знали проклятия тяжести — Архимедова сила полностью компенсировала гравитацию.

— Док, вы уснули на платформе? — Прямо в правом ухе Марка раздался звонкий, вибрирующий голос Киры. Аудио-имплант слегка кольнул слуховой нерв. — Гидронасосы дока уже начали выравнивать давление. Шаттл «Вектор» на пусковой дорожке. Живее, Солнце сжигает этот мир быстрее, чем кажется вашим сенаторам.

— Уже иду.

Марк сошел с траволатора, вступая на предшлюзовую палубу нижнего порта. Внутренний таймер хронометра перед глазами неумолимо отсчитывал секунды: до начала необратимого закипания океана оставалось меньше трех недель. Марк отстегнул шлем от пояса и одним точным движением насадил его на шейное кольцо скафандра и шагнул в шлюзовую камеру. Пневмозамки зашипели, отсекая его от безопасной среды купола.

Гермодверь дока «А-14» со стоном разошлась в стороны, впуская плотный, насыщенный аммиаком удушливый туман. Внешние датчики скафандра мгновенно выдали предупреждение: 54 градуса по Цельсию — парниковый кокон Посейдонии раскалялся с каждым часом. Обычная земная жизнь здесь сварилась бы за секунды. Но за алмазным иллюминатором, в горячем водно-аммиачном рассоле, сотнями слоёв плавала иссиня-черная кремниевая тина. Местные термофильные водоросли, закованные в жесткую биокремниевую броню, заложенную инженерами Великого Исхода, чувствовали себя в этом кипятке превосходно, жадно перерабатывая углекислоту в кислород.

У самой пусковой шахты глубоководного челнока, лениво покачиваясь на поручне, сидела Кира.

Она была истинным дитя этого враждебного человеческой природе мира. Её стальная, с легким синеватым отливом кожа мягко поблескивала в тусклом свете шлюза, а вдоль шеи размеренно открывались и закрывались влажные жаберные пазухи — сейчас, внутри воздушной

камеры, она дышала обычными легкими. На ней не было тяжелого экзоскелета. Кремниевые хрящи вместо хрупких человеческих костей были созданы для этого мира, и в условиях гравитации Посейдонии она держалась с пугающей, расслабленной грацией, недоступной ни одному Платформеру. Огромные темные глаза, адаптированные к вечной ночи глубин, насмешливо уставились на Марка, когда его титановые суставы с тяжелым механическим звуком перешагнули границы шлюза.

— Навесили на себя еще пару тонн железа, док? — Её голос, переданный по радиосвязи, прозвучал с легкой, колючей иронией. — Пловцы говорят, что Абляционные Узлы на дне уже начали вибрировать. Великий Прилив всё сильнее разогревает недра Посейдонии. Если вы, Платформеры, не запустите свои лазеры, этот кремниевый бульон просто закипит, вместе с нами. Мы для этого спускаемся сегодня на дно?

Марк проверил крепление инфо-кристалла на запястье, где тускло светился герб Сената и его официальный статус: главный технический инспектор Абляционных Систем. Затем тяжело опустил руку на гидравлический затвор и открыл люк «Вектора».

— Чтобы запустить лазеры, нам сначала нужно снять телеметрию и понять, почему автоматика блокирует протокол «Альбедо», Кира. Диспетчерская порта дала нам одно окно погружения, наша операция секретна, как ты, наверное, уже поняла. Наверху, на орбите, готовят тысячи «Ковчегов». Но без Узлов океан закипит раньше, чем мы успеем поднять к ним людей. Загружайся в челнок. Спустимся на дно, снимем коды ошибок с Узла, и решим, что делать дальше.

Люк шаттла со скрежетом захлопнулся, отсекая их от Посейдонии.

ГЛАВА 2: Бездна под давлением

Толчок пусковых катапульт отозвался в кабине «Вектора» глухим титановым скрежетом. Глубоководный челнок сорвался с направляющих рельсов дока «А-14» и рухнул в вертикальную шахту. Спустя мгновение внешние датчики зафиксировали гидроудар — капсула на огромной скорости врезалась в открытый океан Нептуна.

За алмазными иллюминаторами мгновенно погас багровый свет стареющего Солнца. Роскошная панорама плавучих сот «Аква-Прайм» с её неоновыми огнями и парящими силуэтами Пловцов растворилась во тьме всего за несколько секунд. «Вектор» уходил по крутой параболе вниз, пробивая верхние, перегретые слои океана. Марк сидел в пилотском ложе, намертво зажатый магнитными ремнями безопасности.

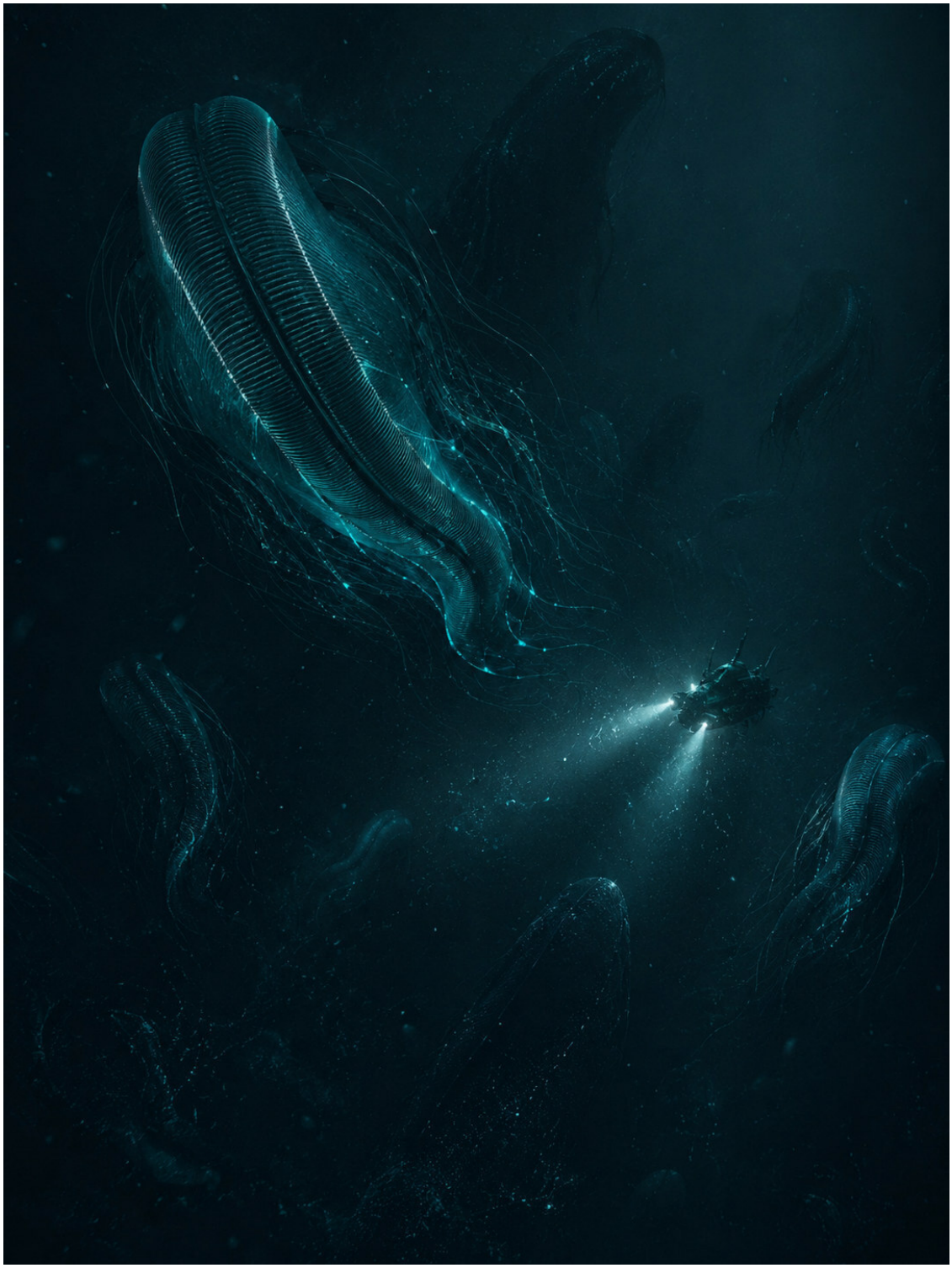
— Выравниваю дифферент. — Кира ловко перебросила тумблеры на панели навигации, её перепончатые пальцы порхали по сенсорам с абсолютной точностью. — Мы вошли в зону струйных течений. Нас немного поводит, док. Держитесь за свои железки.

Физика погружения на Нептуне не имела ничего общего с земными погружениями. Водно-аммиачный океан Посейдонии не был прозрачной водой. Из-за дикой концентрации солей тяжёлых металлов, аммиака и растворённых газов уже на глубине пяти километров среда начала стремительно менять свои свойства. За бортом бушевал плотный, вязкий «хрустальный сироп». Световые лучи мощных носовых прожекторов челнока вязли в этой маслянистой бирюзовой тьме, выхватывая из темноты лишь бесконечные хлопья мертвой кремниевой тины, медленно оседающей на дно.

Приборы на центральной панели лихорадочно обновляли цифры. Давление росло с пугающей скоростью: одна тысяча атмосфер... две тысячи... три тысячи. Корпус «Вектора», изготовленный из многослойного углеродного нанокомпозита, начал издавать зловещие звуки — плотная вода сжимала кокон корабля, заставляя титановые шпангоуты стонать и притираться друг к другу. Внутри кабины стало заметно жарче. Из-за огромного давления и тепла, поднимающегося из разогретых недр планеты, температура за бортом перешагнула отметку в восемьдесят градусов. Кондиционеры челнока работали на пределе возможностей, наполняя кабину сухим, вибрирующим гулом.

— Смотрите, док. — Кира слегка убавила яркость прожекторов и указала пальцем на левый иллюминатор. — Мы на тридцати километрах. Пошли местные обитатели.

Марк прильнул к мониторам внешнего обзора. В тусклом фосфоресцирующем свете океана, где напрочь отсутствовало Солнце, разворачивалось зрелище, способное лишить сна любого земного биолога. Сквозь вязкую толщу воды, лениво перебирая десятками гибких, полупрозрачных конечностей, проплывали огромные слепые существа. Это были аммиачные струнники — многометровые студенистые ленты, чья биохимия полностью опиралась на поглощение азотных соединений. Они не имели глаз — зрение для этих мирных фильтраторов в вечной ночи было бесполезным атавизмом. Вместо этого их кремниевая кожа пульсировала мягкими вспышками биолюминесценции. Этот свет не был средством общения: он служил приманкой для миллиардов светочувствительных кремниевых рачков, которые сами плыли на вспышки прямо в ловчие сети струнников, и одновременно — защитным оружием, способным ослепить огромные, чуткие глаза высших хищников.

Чуть глубже, на границе сорока километров, прожекторы «Вектора» выхватили из темноты силуэт настоящего левиафана — плоского, закованного в жесткую биокремниевую броню червя длиной с хорошую земную электричку. Тварь не спеша изгибала свое сегментированное тело, фильтруя суперионный кипяток и перемалывая донные осадки. Она прошла всего в десяти метрах от обшивки челнока, и Марк физически почувствовал, как гидродинамический след от её движения качнул их многотонную капсулу.

— Одичавшие ГМО, — тихо произнёс Марк; его бас глухо отозвался в динамиках шлема.

— Не ГМО, — негромко поправила Кира, не отрывая взгляда от иллюминатора. — Старшие донные. У нас их так называют.

Марк на мгновение задержал взгляд на её лице, затем снова посмотрел на уходящего в темноту левиафана.

— Миллионы лет назад наши предки выпустили в этот океан простейшие бактерии-инструменты для очистки его от аммиака и запуска фотосинтеза. Посмотри, во что их превратил океан. Они построили здесь свой мир.

— Да, это их мир, Марк. — Кира повернулась к нему, и её огромные темные амфибийные глаза в полумраке кабины блеснули странным, холодным светом. Биолюминесцентные полосы на шее ровно пульсировали зеленым. — Вы, Платформеры, заперлись в своих воздушных пузырях наверху и боитесь этой глубины. Но океан живой. И прямо сейчас он сгорает изнутри.

Кира знала это не по сводкам и не по картам течений. Когда она была маленькой, они с Каем уплывали за край освещённых ферм, туда, где огни Мокрого сектора растворялись в чёрной воде, а Верхний Город становился далёким, мутным пятном над головой. Он учил её ждать струнников: не пугать их резким светом, не бить по воде, не принимать тьму за пустоту.

— Смотри, — говорил Кай, касаясь её плеча перепончатыми пальцами. — Океан не молчит. Просто нужно подождать, пока он ответит.

Тогда Кай ещё смеялся без злобы, и для Киры бездна была бескрайним домом, где каждая вспышка имела имя.

Марк бросил взгляд на телеметрию: глубина — пятьдесят пять километров. Давление — около десяти тысяч атмосфер. Внешняя температура воды росла, приближаясь к критической точке. Приборы навигации начали фиксировать тяжелую, низкочастотную вибрацию, поднимающуюся с самого дна. Тритон своим Великим Приливом продолжал деформировать кору и глубинные слои Посейдонии, разогревая океан снизу.

— До Абляционного Узла-14 осталось пятнадцать километров. — Кира перевела двигатели челнока в режим торможения. Направленные гидрореактивные струи взвыли, гася скорость падения. — Давление приближается к тринадцати тысячам атмосфер. Включаю посадочные радары. Готовьтесь, док. Сейчас мы увидим, почему автоматика ваших лазеров сошла с ума.

«Вектор» плавно замедлил ход, погружаясь в придонный слой тяжелого, насыщенного кремниевой пылью суперионного рассола. Впереди, в лучах прожекторов, из вечной темноты начали проступать колоссальные, черные очертания титановой полусферы Узла предков.

ГЛАВА 3: Кремниевые тиски

«Вектор» завис в трёхстах метрах над куполом Абляционного Узла №14.

Носовые прожекторы челнока выхватывали из маслянистой тьмы циклопическую титановую полусферу, уходящую корнями в дно океана. За миллионы лет станция инженеров Великого Исхода покрылась толстым слоем чёрных сульфидных наростов, но её исполинский лазерный эмиттер, направленный ровно в зенит, всё ещё выглядел монументально. Даже мёртвым он казался не руинами, а оружием, которое просто ждало приказа проснуться.

— Приборы фиксируют дикую электромагнитную активность, док. — Кира лихорадочно корректировала курс, борясь с придонными течениями суперионного рассола. Давление за бортом достигло почти тринадцати тысяч атмосфер. — Узел нас увидел. Его внешние контуры активированы.

— Выхожу на дистанцию стыковки. — Марк затянул ремни и вцепился в управление манипуляторами. — Нам нужно зацепиться за верхний шлюзовой воротник. Если автоматика станции не примет мой инспекционный кристалл, придётся взламывать гидравлику вручную.

Внезапно кабина челнока содрогнулась от глухого, вибрирующего удара.

Бортовой компьютер «Вектора» истошно замигал красными предупреждениями. Датчики давления зафиксировали резкий перепад по правому борту.

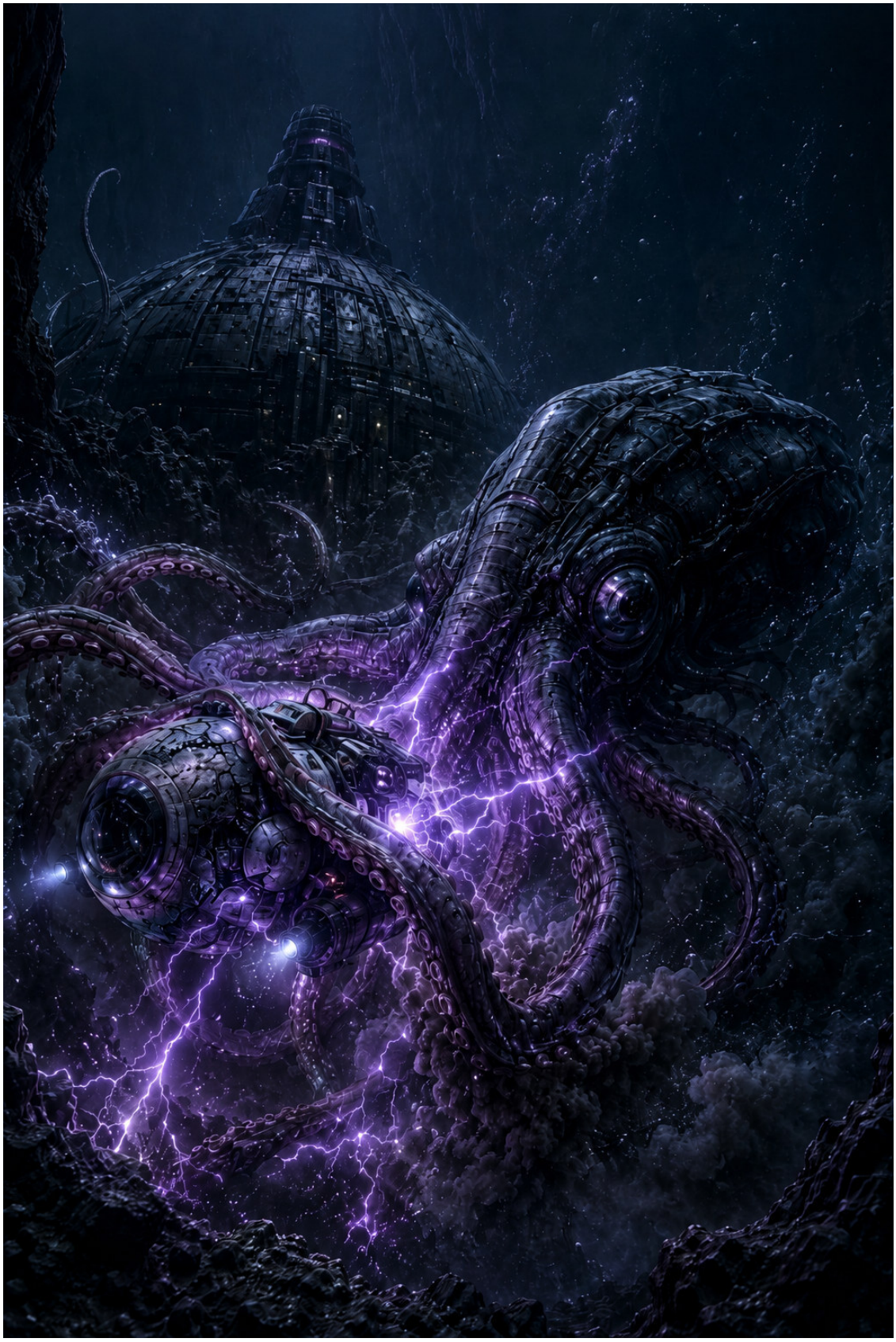
— Движение справа по курсу! — Кира резко рванула штурвал на себя, но многотонная капсула корабля едва сдвинулась в вязкой, густой воде-сиропе. — Что-то огромное!

Из чёрной бездны, прямо в луч правого прожектора, вывалилось чудовище.

Это был Архитеутис-Посейдон — высший хищник глубоководного Нептуна. Исполинский цефалопод длиной более сорока метров, полностью закованный в гибкую, сегментированную биокремниевую броню, отливающую металлическим блеском. В отличие от слепых червей верхних горизонтов, эта тварь имела огромные зеркальные глаза размером с автомобильное колесо. Они были созданы вечной ночью, чтобы ловить малейшие кванты света, и сейчас в них зловеще отражалось сияние прожекторов челнока.

Нападение не было случайным. Мощное электромагнитное поле термоядерного реактора «Вектора» хищник принял за вызов или за крупную добычу.

Гигантские кремниевые щупальца, усеянные жёсткими присосками, похожими на циркулярные пилы, с дикой силой облепили корпус челнока. Нанокомпозитная обшивка на титановом каркасе жалобно заскрипела. Монстр начал медленно подтягивать капсулу корабля к своему массивному роговому клюву, способному дробить гранитные плиты. Алмазное стекло иллюминатора прямо перед лицом Марка покрылось первыми микротрещинами от чудовищного сжатия.

— Он раздавит нас! — Кира судорожно пыталась запустить реверс двигателей, но «Вектор» был намертво зажат в кремниевых тисках. — Гидравлика манипуляторов не справляется. Мы не сможем оторвать его!

— Отключи заземление реактора, Кира! Быстро!

Марк с силой сорвал защитную пломбу с аварийного щита питания на потолке кабины.

— Что ты задумал, док?! Мы выжжем бортовые платы!

— Просто делай!

Кира ударила по сенсору отключения. Силовые контуры вышли из замкнутого цикла. Марк ухватился за тяжёлый рубильник аварийного сброса и рванул его вниз.

Электрический разряд напряжением в миллион вольт от термоядерного реактора, не сдерживаемый предохранителями, хлынул напрямую на внешнюю нанокомпозитную броню корабля. Вязкая, насыщенная солями и аммиаком вода за бортом сработала как идеальный проводник. Вокруг «Вектора» вспыхнул ослепительный фиолетовый разряд.

Цефалопод судорожно выгнулся, его зеркальные глаза вспыхнули и погасли, а бронированные щупальца бессильно разжались. Объятый остаточными искрами разряда, он завалился набок и исчез в бездонных расщелинах.

Кабина «Вектора» погрузилась в темноту. Аварийное переключилось на резервные батареи. Кондиционеры затихли. В тишине стало слышно, как корпус челнока стонет под давлением океана. Где-то за спиной Марка коротко треснул перегретый изолятор. По панели навигации пробежала цепочка алых индикаторов.

— Мы... мы живы? — Кира тяжело дышала. Линии на её шее испуганно пульсировали ярко-красным светом.

Марк провёл ладонью по лицу, стирая выступившую испарину. На виске бился частый, злой пульс.

— Пока да. Но не уверен, что это надолго.

Он наклонился к панели диагностики. Главный экран не включился. Только узкая резервная строка в нижнем секторе интерфейса продолжала выводить аварийные данные.

ГЛАВНАЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ УСТАНОВКА — ОТКАЗ.

ПРАВЫЙ МАНИПУЛЯТОР — ОТКАЗ.

КОРМОВОЙ ГИДРОРЕАКТИВНЫЙ БЛОК — ПОВРЕЖДЕНИЕ СОПЛА.

СТАБИЛИЗАЦИЯ КУРСА — РУЧНОЙ РЕЖИМ.

ВНЕШНИЙ КОНТУР ОХЛАЖДЕНИЯ — ТРИДЦАТЬ ОДИН ПРОЦЕНТ.

РЕЗЕРВНОЕ ПИТАНИЕ — ДЕВЯТЬ ПРОЦЕНТОВ.

— Электроника выдержала частично, реактора нет, — сказал Марк. — Вдобавок мы потеряли автопилот стыковки. Правый манипулятор мёртв. Кормовые сопла дают перекос.

— А левый?

— Левый отвечает с задержкой.

Кира повернулась к иллюминатору. За стеклом, исчерченным тонкими серебряными трещинами, проступал чёрный купол Узла. Он был совсем близко и в то же время слишком далеко для повреждённого челнока без реактора и автопилота.

— Тогда я поведу вручную.

— Кира, у нас нет нормальной тяги.

— Зато у нас есть течение, и другого выбора всё равно нет.

Она сняла блокировку с боковых гидрореактивных струй и положила перепончатые пальцы на механические рычаги управления. Теперь она почти не смотрела на приборы. Её глаза были прикованы к мутным потокам за бортом, к медленным завихрениям кремниевой пыли, к тому, как сульфидные хлопья огибали титановые рёбра древней станции.

Марк хотел возразить, но осёкся.

Для него за иллюминатором была мёртвая, враждебная среда с давлением почти в тринадцать тысяч атмосфер. Для Киры — рельеф. Движение. Пульс. Океанская дорога, видимая там, где его приборы показывали только хаос.

— Узел тянет воду через нижние охлаждающие каналы, — тихо сказала она. — Видишь? Поток идёт под купол. Значит, внешний контур ещё работает. Этой машине миллионы лет, а она до сих пор дышит.

Марк не ответил.

Кира дала короткий импульс левыми боковыми соплами. Повреждённый челнок нехотя повернул носом к стыковочному воротнику. Древнее кольцо шлюза нависало над ними, словно чёрная пасть, врезанная в титановую броню Узла. По его краям горели слабые янтарные огни.

— Дистанция двести метров. — Марк смотрел на резервную шкалу. — Курс уводит на семь градусов.

— Вижу.

— Нас сносит.

— Я сказала: вижу.

Океан ударил в борт плотной невидимой стеной. «Вектор» качнуло. Где-то в корме с металлическим визгом сорвало наружный стабилизатор. Кабину тряхнуло так, что магнитные ремни болезненно врезались Марку в грудь. На иллюминаторе появилась новая трещина, длинная, косая, похожая на молнию.

— Шесть процентов питания, — сказал он.

Кира не ответила. Она вела челнок короткими, почти незаметными импульсами, не пытаясь победить течение, а подставляя повреждённый корпус под него так, чтобы сама вода тащила их к воротнику.

На дистанции в пятьдесят метров включился стыковочный маяк Узла. Из чёрного кольца вырвался тонкий янтарный луч и скользнул по корпусу «Вектора», считывая форму, массу, повреждения и статус экипажа.

— Станция нас распознала, — прошептал Марк.

— Хорошо бы она ещё захотела нас принять.

Первый захват сорвался.

Левый борт «Вектора» ударился о внешний край воротника, и весь челнок заскрежетал по древнему титану. Кира выругалась на коротком гортанном языке Нижнего Города. Марк резко дёрнул рычаг левого манипулятора, пытаясь зацепиться за стыковочную скобу, но задержка в гидравлике превратила движение в судорожный рывок. Крюк проскользнул по гладкой поверхности и сорвался.

— Ещё раз! — сказал Марк.

— Не командуй водой, док.

Кира дала обратный импульс, развернула челнок боком и на мгновение позволила течению унести их ниже воротника. Марк почувствовал, как холодная ярость поднимается у него в груди. Они теряли направление, теряли время, теряли питание.

— Кира!

— Не мешай, док!

Она резко опустила нос челнока, пропуская под днищем тяжёлую придонную струю. Поток подхватил «Вектор» снизу и вынес его вверх, прямо к центру воротника. В этот миг Марк понял: она не промахнулась.

— Сейчас! — крикнула Кира.

Марк ударил по аварийному приводу левого манипулятора.

Крюк вошёл в стыковочную скобу с сухим металлическим щелчком, которого они, впрочем, не услышали. Повреждённый челнок дёрнулся, будто пойманная рыба. Корпус развернуло, прижало к стыковочному кольцу, и древний воротник Узла сомкнулся вокруг «Вектора» тяжёлыми титановыми лепестками.

Пневмозамки не сразу приняли их. Дважды система выдала ошибку герметичности. На третий раз станция продавила деформированный край шлюзового фланца собственными гидравлическими фиксаторами.

Глухой удар прокатился по корпусу. Потом наступила тишина.

— Стыковка подтверждена, — выдохнул Марк.

Кира с трудом отпустила штурвал. Её пальцы дрожали.

ГЛАВА 4: Коды мёртвой луны

Гидронасосы Абляционного Узла №14 проснулись с некоторой задержкой. Сначала где-то за стеной стыковочного тамбура прошёл низкий, почти органный гул. Древние клапаны дрогнули, один за другим открывая контуры откачки. Аммиачный кипяток, заполнявший переходную камеру, с рёвом уходил в нижние резервуары. Через иллюминатор шлюзовой камеры Марк наблюдал, как уровень воды падает, обнажая тёмные, покрытые кристаллическими разводами солей и чёрным налётом сульфидов стены.

Внутрь шлюза ударил поток сухого сжатого воздуха. Станция не умерла миллионы лет назад. Она ждала.

— Атмосфера в шлюзе стабилизируется. — Марк смотрел на данные на стекле шлема. — Давление пять бар. Состав пригоден для дыхания Платформеров.

— Конечно, пригоден. — Кира поднялась со второго ложа и отстегнула ремни. — Этот дом строили для вас.

Марк хотел ответить, но промолчал, просто снял шлем.

Пневмозамки внутреннего люка отстрелили фиксаторы с тяжёлым, вековым звуком. Круглая дверь медленно поползла в сторону, и за ней открылась темнота, которую не тревожили миллионы лет.

Марк первым переступил порог. Под ногами глухо отозвался древний металл. Экзоскелет «Атлант-4» тихо зажужжал, подстраивая шаг под едва заметный уклон пола. Кира вошла следом, беззвучно, почти скользя. Её огромные тёмные глаза быстро привыкали к слабому янтарному свету, который начал разгораться вдоль стен.

Зал управления Абляционного Узла был грандиозен. Он не был похож на заброшенную станцию. Здесь не было хаоса, разломанных панелей или следов панического бегства. Всё находилось на своих местах. Многокилометровая машина была законсервирована так, чтобы снова проснуться по первому зову.

Ряды древних процессорных башен уходили в высоту, теряясь в полумраке под куполом. Их поверхности покрывал тонкий серый налёт — защитная плёнка, за миллионы лет превратившаяся в матовую корку. Между башнями висели неподвижные ремонтные манипуляторы, сложенные, как лапы спящих насекомых. Вдоль пола тянулись кабельные каналы толщиной с транспортные тоннели Верхнего Города. В глубине зала, за прозрачной стеной из алмазного композита, просматривался вертикальный ствол лазерного эмиттера — чёрная шахта, уходящая вверх сквозь весь купол станции к океану и небу.

Марк остановился. Он видел эту схему тысячи раз на учебных моделях Сената. Видел в разрезах, реконструкциях, голографических архивах. Но ни одна модель не передавала главного: Абляционный Узел не был просто техническим объектом. Это была воля великой древней цивилизации, залитая в титан, углерод и кремний.

Кира аккуратно провела ладонью по стеновой панели. Под её перепонками остался серый след консервационного налёта.

— Миллионы лет, — сказала она тихо. — И ни одной человеческой руки.

— Люди сюда не спускались после закрытия программы терраформирования.

— Люди? — Кира посмотрела на него. — Или Платформеры?

Марк не ответил сразу. Этот вопрос в Верхнем Городе сочли бы политической провокацией. Здесь, на дне, в глухом сердце машины предков, он прозвучал иначе. Это был не спор, это была трещина в самой истории.

— Никто, — сказал он наконец. — Ни Платформеры. Ни Пловцы.

Кира усмехнулась, но без прежней колкости.

— Значит, хотя бы здесь мы равны.

Они двинулись к центральному терминалу.

С каждым их шагом Узел просыпался. Вдоль пола загорались узкие полосы янтарного света. Под потолком оживали старые датчики. Где-то в глубине зала запускались микрореакторы вспомогательного питания, и вся станция отвечала на это низким, ровным пульсом. Не было суеты, не было тревоги. Машина поднималась из спячки согласно протоколу, написанному теми, кто умел мыслить тысячелетиями.

В центре зала стоял главный терминал. Он был удивительно мал по сравнению с окружающей титановой громадой — всего лишь высокий чёрный монолит с единственным светящимся гнездом для инфо-кристалла. Но именно к нему сходились все кабельные магистрали, все потоки данных, все контуры управления лазерными затворами.

Марк подошёл к консоли. На его запястье тускло светился инспекционный инфо-кристалл Сената. Маленький прозрачный предмет, выданный бюрократической системой Верхнего Города, казался здесь почти нелепым — временной меткой молодой власти перед лицом машины, которая пережила миллионы лет.

— Готова? — спросил Марк.

Кира стояла чуть позади него.

— Нет, — сказала она. — Но вставляй.

Марк решительно вставил инфо-кристалл в гнездо. Сначала ничего не произошло. Потом по терминалу пробежала тонкая золотая линия. Она разделилась на десятки, сотни, тысячи светящихся нитей, разбегающихся по стенам, полу и потолку. Процессорные башни одна за другой зажглись внутренним янтарным светом. В глубине станции, под их ногами, что-то огромное пришло в движение.

Из темноты раздался голос. Он был мёртвым, синтезированным, лишённым всякой человеческой интонации. И всё же в нём чувствовалась абсолютная уверенность тех, кто создавал эту систему не на годы и даже не на века, а на всю оставшуюся историю планеты.

— ВНИМАНИЕ. ЗАФИКСИРОВАН АВТОРИЗОВАННЫЙ ЗАПРОС ГЛАВНОГО ТЕХНИЧЕСКОГО ИНСПЕКТОРА АБЛЯЦИОННЫХ СИСТЕМ. ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПРИНЯТА. ДОСТУП ПЕРВОГО УРОВНЯ ОТКРЫТ.

Марк резко выдохнул.

— Запрос на диагностику протокола «Альбедо». Статус лазерных затворов.

Перед ними развернулась трёхмерная схема Узла №14. Внутренние контуры станции были зелёными. Реакторные каналы работали. Эмиттер был цел. Силовые линии отвечали. Ни один ключевой блок не выдавал сигнала критического отказа.

И всё же в центре схемы горел красный символ блокировки.

— Протокол «Альбедо» ЗАБЛОКИРОВАН, — произнёс ИИ станции. — АППАРАТНАЯ БЛОКИРОВКА, УСТАНОВЛЕННАЯ АДМИНИСТРАТОРАМИ ЗЕМЛИ. ЗАПУСК АБЛЯЦИОННЫХ ЛАЗЕРОВ НЕВОЗМОЖЕН.

Марк застыл.

Некоторое время он просто смотрел на красный знак, как будто не понимал его значения.

— Повтори.

— ПРОТОКОЛ «АЛЬБЕДО» ЗАБЛОКИРОВАН. ЗАПУСК АБЛЯЦИОННЫХ ЛАЗЕРОВ НЕВОЗМОЖЕН.

Кира медленно подошла ближе.

— Значит, он не сломан?

Марк задумался.

— Нет, — сказал он наконец. — Здесь что-то иное.

Он наклонился к панели. Пальцы быстро прошли по древнему интерфейсу, вызывая диагностические слои. Тексты инженеров Великого Исхода загорались и гасли, перестраиваясь в современную транскрипцию Посейдонии. Марк открывал один уровень доступа за другим, пока система не потребовала подтверждения полномочий.

— Причина блокировки? — резко спросил он. — Выведи код ошибки.

Над терминалом развернулась трёхмерная схема всей планетарной системы Нептуна. Сначала появился сам гигант — тёмный, покрытый океаном, с красной точкой на дне, где находился их Узел. Затем над ним появился Космический Лифт, тонкая серебряная нить, уходящая к орбитальным верфям. Ещё выше проявился мёртвый диск Тритона. На нём горела вторая красная точка.

Кира подняла голову.

— Луна?

— Тритон, — произнёс Марк.

ИИ станции продолжил всё тем же холодным, неумолимым голосом:

— ДЛЯ АКТИВАЦИИ ЛАЗЕРОВ И СБРОСА ИЗБЫТОЧНОГО ТЕПЛА ТРЕБУЕТСЯ ПОЛНЫЙ МАСТЕР-КЛЮЧ. ПРИ ВЕЛИКОЙ СЕГРЕГАЦИИ МАСТЕР-КЛЮЧ БЫЛ РАЗДЕЛЁН. ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА НАХОДИТСЯ В ДАННОМ УЗЛЕ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА НАХОДИТСЯ В УЗЛЕ «ЯКОРЬ-1» ТРИТОНА. БЕЗ СИНХРОНИЗАЦИИ ДВУХ ПОЛОВИН ЗАПУСК СИСТЕМЫ НЕВОЗМОЖЕН.

Гнездо терминала мигнуло янтарным светом. На поверхности инспекционного инфокристалла проступила золотая решётка: Узел начал запись первой половины Мастер-Ключа.

В зале стало тихо. Марк со вздохом опустил руки. Автоматику нельзя было починить на месте. Протокол не отказал. Он был заперт. Не временем, не коррозией, не ошибкой древней машины, а сознательным решением тех, кто создавал Посейдонию и заранее разделил право на её спасение.

Кира смотрела на голограмму Тритона.

— Значит, предки даже конец света заперли на два замка.

Марк не нашёл, что ответить. Красная точка на мёртвой луне пульсировала над ними, как далёкое ледяное сердце.

ГЛАВА 5: Шесть процентов

Мерцающий свет терминала тускло озарял лица Марка и Киры.

Кира первой нарушила тишину:

— И как ты собираешься туда попасть, док?

Марк оторвал взгляд от голограммы.

— Сначала нам нужно вернуться в Аква-Прайм. У Сената есть дальние челноки, способные вырваться из гравитационного колодца Нептуна и долететь до Тритона.

— Значит, пойдём к Канцлеру? — Кира горько усмехнулась. Её биолюминесцентные полосы на шее вспыхнули тревожным оранжевым светом. — Твой Канцлер скорее удавит нас обоих, чем признает, что спасение Посейдонии зависит от заброшенной луны. Платформеры не дадут корабль ради Нижнего Города.

— Речь идёт уже не только о Нижнем Городе, — сказал Марк. — Если лазеры не запустить, погибнут все. И Пловцы, и Платформеры.

Кира отвернулась к голограмме.

— Тогда сначала нам надо хотя бы выбраться отсюда, док.

На панели терминала появилось сообщение:

«КОПИРОВАНИЕ ЛОКАЛЬНОГО ФРАГМЕНТА МАСТЕР-КЛЮЧА ЗАВЕРШЕНО».

Золотая решётка на прозрачной грани кристалла сомкнулась и погасла. Марк выдернул кристалл из гнезда и закрепил его на запястье. Теперь у них была половина ответа.

— Пошли. Здесь нам больше нечего делать.

За люком «Вектора» их ждал кошмар, который они уже считали пережитым. После разряда главные распределительные платы частично оплавились. Термоядерный реактор спал глубоким сном. Челнок питался от резервных химических ячеек, а те таяли с каждой секундой.

Когда Марк подключил аварийную диагностику, на мёртвом главном экране загорелась единственная строка:

РЕЗЕРВНОЕ ПИТАНИЕ: 6%.

Кира посмотрела на цифру и впервые за всё время не сказала ничего колкого.

— На шести процентах мы не поднимемся, — произнёс Марк. — Подъём на собственной тяге невозможен. Кормовой блок перекошен, правый манипулятор мёртв, охлаждение просело. Нам не хватит энергии даже на половину пути.

— Балласт?

— Сбросим. Но одной плавучести мало. В таком рассоле нас начнёт разворачивать, а если попадём в боковое течение, разобьёмся о гребни.

Кира опустилась в кресло пилота и вызвала на резервной панели карту придонных потоков. Изображение дрожало, распадаясь на помехи. Вязкий рассол вокруг Узла был исполосован линиями движения: холодные нисходящие струи, тяжёлые боковые завихрения, почти невидимые восходящие жилы тепла.

— Узел гонит рассол через нижние каналы, — сказала она, выговаривая каждое слово, будто держала в голове схему течений. — Мы использовали это при стыковке: он втягивает его снизу и выбрасывает вверх. Слабо. Но поток есть.

Марк резко повернулся к ней.

— Это сервисный контур охлаждения эмиттера.

Он уже открывал древнюю схему станции, выгруженную из терминала. Перед ним развернулся разрез Абляционного Узла: нижние заборные коллекторы, термальные камеры, вертикальный канал отвода перегретого рассола вокруг ствола лазерного эмиттера. Система была создана не для глубоководного плавания. Она обслуживала чудовищную машину, способную управлять тепловым режимом целой планеты. Но физика оставалась физикой.

— Если открыть наружный охлаждающий контур, — сказал Марк, больше себе, чем Кире, — Узел сбросит часть перегретого рассола вверх по сервисной шахте. Горячий слой легче окружающей среды. Получится восходящий термальный столб.

— Он вытолкнет нас?

— Скорее он попытается нас разорвать. Если войдём неправильно, нас бросит в стенку канала. Если перегреемся, сварятся силовые кольца. Если поток сорвётся раньше сорока километров, мы останемся без тяги в середине океана.

Кира грустно усмехнулась одними губами.

— Зато не умрём прямо здесь.

Марк посмотрел на шесть процентов питания. Потом — на тонкую линию восходящего потока, дрожавшую на резервном экране. Потом — на Киру.

— Мы делаем это вместе. Я открываю контур и сбрасываю балласт. Ты ведёшь шаттл по потоку.

— Наконец-то разумное предложение от Верхнего Города.

На подготовку ушло четыре минуты. Четыре минуты, которых у них почти не было.

Марк отстрелил мёртвый правый манипулятор. За бортом что-то глухо ударило о стыковочный воротник и ушло вниз, в темноту. Затем он сбросил две балластные плиты, выровнял давление в аварийных плавучих цистернах, перенаправил остаток энергии на боковые сопла и активировал ручное управление. Кира тем временем выключила всё лишнее: внутреннее освещение, вторичные мониторы, автоматическую связь и даже систему кондиционирования.

В кабине сразу стало темно и душно. Воздух, и без того плотный, стал казаться перегретым бульоном.

— Готова? — спросил Марк, надевая шлем и активируя систему охлаждения «Атланта» на полную мощность.

— Нет, — сказала Кира. — Открывай.

Марк отправил команду в сердце Узла.

Где-то под ними проснулся древний механизм. Сначала по корпусу «Вектора» прошла лёгкая дрожь. Затем стыковочный воротник вздрогнул, будто станция с усилием выдохнула после миллионов лет молчания. За внешним люком взревел поток: перегретый аммиачный рассол рванул вверх по сервисному каналу, поднимая с дна чёрную сульфидную пыль.

— Расстыковка! — крикнул Марк.

Пневмозамки разомкнулись. «Вектор» сорвало с воротника и бросило вверх.

Кира вцепилась в рычаги управления. Повреждённый челнок тряхнуло так, что у Марка на мгновение потемнело в глазах. За иллюминатором ничего не было видно — только кипящая черная муть, фиолетовые вспышки электростатики и хлопья древнего дна, несущиеся мимо корпуса.

— Нас разворачивает! — Марк видел, как шкала крена ползёт к красной зоне.

— Держу!

Кира не боролась с потоком. Она снова, как и при стыковке, ловила его. Подставляла «Вектор» боком, потом резко сбрасывала крен, пропуская восходящую струю под днищем.

Повреждённый челнок шёл не прямо вверх, а вилял широкими дугами, болтаясь внутри термального столба, как щепка.

Резервный компьютер, сохранивший только голосовой вывод, захрипел в динамиках:

Глубина — пятьдесят километров. Резервное питание — четыре процента.

Внешняя температура росла — поток Узла был горячее окружающего океана. В одном из кормовых отсеков сработал пожарный датчик. Марк перевёл остаток охлаждения на силовые кольца, отключив внутреннюю вентиляцию окончательно.

Кира тяжело дышала. Её жаберные пазухи натужно раскрывались и закрывались, даже её лёгкие дышали здесь с трудом. Но организм Пловца чувствовал океан даже через броню челнока. Марк видел, как по её шее бегут тусклые зелёные импульсы — не страх или ярость, а сосредоточенность.

Через несколько мучительных минут резервный компьютер снова подал голос:

Глубина — сорок километров. Резервное питание — три процента.

Термальный столб начал распадаться. Узел остался далеко внизу, и его сервисный выброс больше не удерживал «Вектор» в едином русле. После сброса балласта капсулу всё ещё тянуло вверх, но теперь подъём зависел от одной плавучести, а боковые сопла могли лишь удерживать курс.

Вязкий океан расходился вокруг «Вектора» тысячами боковых течений. Челнок бросило вправо, к тёмной стене скалистого уступа, едва видимой в мертвенно-синем свете аварийных прожекторов.

— Кира!

— Обхожу!

Она дала короткую серию импульсов левыми соплами. «Вектор» прошёл в трёх метрах от скалы. По корпусу полоснуло чем-то твёрдым — возможно, сульфидным гребнем, возможно, панцирем невидимого донного существа. В кабине посыпались искры.

Марк сжал зубы.

— Связь с доком?

— Если включишь передатчик, на стабилизацию энергии уже не хватит.

Он посмотрел на шкалу питания и убрал руку с консоли.

— Тогда идём молча.

Резервный компьютер, теряя чёткость синтезированного голоса, выдал новый отчёт:

Глубина — двадцать километров. Резервное питание — два процента.

Океан вокруг светлел. В мутной толще снова появились водорослевые слои, фосфорные облака кремниевой тины, росчерки мелких организмов, метнувшихся прочь от повреждённой капсулы. Но вместе со светом пришла новая опасность: верхние перегретые слои бурлили, расслаиваясь на хаотичные карманы плотности. «Вектор» то проваливался в них, то выскакивал вверх, мотаясь в неоднородностях рассола.

— Ещё немного, — сказала Кира. — Держись за свои железки.

— Очень смешно.

— Я не шутила.

Когда резервный компьютер сообщил о глубине в пятьсот метров и одном проценте питания, Марк всё-таки включил аварийный маяк. Одну короткую посылку — только идентификатор «Вектора» и запрос на открытие приёмного шлюза.

Ответом был сухой треск помех.

— Док молчит, — сказал он.

Кира подняла глаза на верхний монитор. В мутной бирюзовой толще уже проступали геометрические линии нижнего порта: направляющие дока, створки шлюзовой шахты, мерцающие огни посадочного коридора. Но свет был неправильным. Красным. Рваным. Тревожным.

— Он не молчит, — сказала она тихо. — Он кричит.

Последний процент питания ушёл на торможение. «Вектор» боком ввалился в приёмный шлюз дока «А-14». Аварийным захватам не удалось поймать его с первой попытки. Капсула ударилась о направляющие, скрежетнула днищем, развернулась и, наконец, замерла в посадочных пазах. В ту же секунду резервные батареи испустили последний электронный выдох.

Корабль умер.

Снаружи с диким ревом завыли насосы, откачивая аммиачный кипяток. Рассол уходил медленно, рывками, будто сам док был ранен и задыхался. Вместо огней встречающей их ремонтной бригады сквозь стекло люка Марк увидел дым. Много дыма. И красные проблески аварийных маяков. Кира уже стояла у выхода. Люк со скрежетом открылся.

ГЛАВА 6: Тень Оркана

Марк, тяжело ковыляя титановыми суставами, выбрался на палубу дока и замер.

Док А-14 был полем боя. Аварийные сирены выли на полной мощности. Со стороны диспетчерских палуб раздавались глухие взрывы, треск плазменных излучателей и короткие очереди иглострелов.

Вся предшлюзовая зона была разгромлена. Контейнеры с дейтериевой арматурой лежали поперёк проходов. Один из грузовых кранов, перекошенный и обесточенный, застыл над палубой, как сломанная металлическая рука. На прозрачной стене диспетчерской расползалась паутина трещин. Ниже, повиснув на оборванных кабелях, мигало сорванное с креплений табло:

ДОК А-14. ДОСТУП ОГРАНИЧЕН. РЕЖИМ ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ.

Они прошли через шлюз.

— Что здесь происходит?.. — Марк снял шлем и втянул тяжёлый, пахнущий гарью воздух шлюзовой камеры.

Кира вышла следом. На фоне затянутой дымом палубы её стальная кожа казалась темнее, а биолюминесцентные полосы на шее светились тревожным оранжевым светом. Она сразу поняла больше, чем Марк. Хаос в доке, вой сирен и крики людей Нижнего Города за переборкой говорили сами за себя.

— Это не авария, — сказала она. — Это штурм.

Из дыма на дальней стороне дока вылетел охранный дрон Сената. Его левый стабилизатор был перебит, корпус дымился, но турель ещё пыталась навести плазменный излучатель на цель. В ту же секунду из-за терминалов погрузки дейтерия ударили три игольчатые очереди. Дрон дёрнулся, вспыхнул белым светом и рухнул на палубу, рассыпая искры.

Марк инстинктивно шагнул перед Кирой.

— Назад к челноку.

— Он мёртв, док.

— Тогда за контейнеры.

Они едва успели укрыться за перевёрнутой грузовой платформой, когда палубу прошила новая очередь. Тонкие иглы ударили в нанокомпозитный край укрытия и вошли в него почти без звука. Луч плазменного резака полоснул по полу рядом с ногой Марка, оставив на металле белую кипящую борозду.

Прямо перед ними, у терминалов погрузки дейтерия, стояла группа вооружённых Пловцов. На них были лёгкие гидрокостюмы, усиленные броневыми пластинами, а лица скрывали штурмовые маски-респираторы, защищающие от заволокшего док едкого дыма. В руках они сжимали тяжёлые промышленные резаки и армейские иглострелы, украденные со складов Службы Безопасности.

Они двигались быстро и слаженно. Двое перекрывали выход к верхнему траволатору. Ещё трое резали силовые замки на грузовом шлюзе, ведущем к терминалу Космического Лифта. Один Пловец волочил по палубе раненого техника-Платформера, держа резак у его затылка. На стене за ними уже был выжжен знак: чёрная волна, пересекающая белый круг купола.

— Нет... — простонала Кира.
Марк посмотрел на неё.
— Ты знаешь этот знак?

Она не успела ответить. Командир отряда вышел из дыма.

Это был молодой, высокий Пловец с мощной грудной клеткой и ядовито-красными, бешено пульсирующими биолюминесцентными полосами на ключицах. Его стальная кожа была испачкана технической смазкой и сажей. На плече висел армейский иглострел, в правой руке он держал плазменный резак, всё ещё раскалённый после взлома шлюзовых замков.

Кира поднялась из-за укрытия, как будто её потянуло к нему невидимой нитью.

— Кай!..

Командир Пловцов резко обернулся. Его огромные тёмные глаза, лишённые человеческих белков, на мгновение расширились от удивления. Он вскинул плазменный резак, направив его прямо в грудь Марка.

— Назад, сестра! — хрипло выкрикнул он через вокализатор маски. — Не подходи к этому Платформеру!

— Кай, остановись! — Кира сделала шаг вперёд. — Что вы делаете? Здесь порт, здесь люди. Наши люди.

— Наши люди внизу, — резко ответил Кай. — В кипящей жиже. На фермах. В реакторных шахтах. А здесь — горло Верхнего Города.

Он коротко махнул рукой, и двое бойцов направили иглострелы на Марка.

— Время Сената вышло. Оркан отдал приказ. Мы берём под контроль нижние гидрошлюзы и терминал Космического Лифта. Люди сверху, которые считают себя хозяевами, веками держали нас в этой аммиачной жиже, как скот. Теперь Солнце выжжет их купола, а мы заберём то, что принадлежит нам по праву.

Кира побледнела — насколько вообще могла побледнеть её стальная кожа.

— Ты говоришь чужими словами.

— Я говорю словами тех, кого наверху никогда не слушали.

— Ты же знаешь, что океан умирает! Мы были в Узле. Всё хуже, чем думали. Если вы сейчас возьмёте Лифт и начнётся бой за Ковчеги, мы потеряем время.

Кай усмехнулся. Красные полосы на его ключицах моргнули бордовым.

— Время? У нас его украли ещё до нашего рождения.

Марк медленно поднял руки в тяжёлых перчатках экзоскелета. На его запястье под прозрачным защитным кожухом тускло светился инфо-кристалл с первой половиной Мастер-Ключа. Он заметил, что взгляд Кая скользнул к запястью и быстро попытался отвернуть кисть.

Но было поздно. Кай увидел кристалл.

— Что у него на руке? — спросил он у Киры.

Кира резко повернулась к Марку.

— Марк...

Один из бойцов сделал шаг вперёд.

— Снять с него браслет.

— Не подходить, — сказал Марк.

Его голос прозвучал спокойно. Слишком спокойно для человека, который только что поднялся из бездны на мёртвом корабле и теперь стоял перед вооружённым отрядом повстанцев с половиной ключа от спасения планеты.

Один из Пловцов бросился первым.

Марк встретил его плечом экзоскелета. «Атлант» взревел сервоприводами, принимая на себя удар, и отбросил нападавшего в сторону грузовых контейнеров. Тот врезался в металл, но тут же поднялся — плотные ткани и усиленный скелет Пловцов выдерживали удары, способные искалечить хрупкое тело Платформера.

Второй полоснул плазменным резаком по левой руке Марка. Защитный слой экзоскелета вспыхнул белым огнём. Марк почувствовал, как жар проходит через броню к коже. Он отступил, разворачиваясь так, чтобы заслонить запястье с кристаллом.

— Кай! — закричала Кира. — Прикажи им остановиться! Это не оружие! Это ключ!

— Ключ к чему? К вашим Ковчегам? К вашим сухим палубам?

— К спасению океана!

На мгновение Кай замер. Этого мгновения хватило Марку. Он ударил по рычагу аварийного привода ближайшей грузовой платформы. Система, ещё не полностью убитая штурмом, отозвалась. Магнитные фиксаторы сорвались, и тяжёлая платформа с контейнерами рванулась поперёк палубы, отсекая Марка и Киру от основной группы Пловцов. Иглы застучали по её борту, как сухой дождь.

— К проходу! — крикнул Марк.

Кира метнулась к боковой панели противопожарного контура дока.

— Не туда! — Марк едва успел прикрыть её от нового выстрела.

— Пена ослепит их сенсоры. А я смогу по звуку понять, где они.

Она сорвала крышку аварийного оповещения и ударила ладонью по ручному сбросу. Из потолочных форсунок хлынул плотный аэрозоль — противопожарная смесь, рассчитанная гасить плазменные вспышки и горящие аммиачные пары. Док мгновенно утонул в белёсой мгле. Сенсоры экзоскелета Марка захлебнулись помехами, зато Кира двигалась в молочной пелене по звукам — так уверенно, будто снова оказалась в родной воде.

Она схватила Марка за предплечье и потащила к сервисному коридору.

— Быстрее, док! Пока Кай не перекрыл сервисный коридор.

За спиной раздался голос Кая:

— Кира! Не смей уходить с ним!

Она замерла на полушаге. Марк едва не налетел на неё. Там, в дыму, стоял не просто командир мятежников. Там стоял брат, который когда-то водил её к струнникам и учил не бояться света бездны.

Но потом Кира сжала руку Марка сильнее.

— Поздно, Кай, — сказала она тихо. — Ты сам ушёл первым.

Они рванули в сервисный коридор.

За их спинами Пловцы открыли огонь по закрывающейся переборке. Иглы били в гермозатвор, плазменные резаки оставляли на створке яркие шрамы, но аварийный механизм дока всё-таки сработал. Тяжёлая дверь опустилась между ними и разгромленной палубой.

На несколько секунд стало относительно тихо.

Марк прислонился спиной к стене, тяжело дыша. Левая рука экзоскелета дымилась. На запястье под защитным кожухом всё ещё тускло светился инфо-кристалл.

Кира стояла рядом и смотрела на закрытую переборку так, будто за ней осталась не палуба дока, а целая прошлая жизнь.

— Он был другим, — сказала она едва слышно.

Марк не знал, что ответить.

Снаружи снова взревели сирены. Где-то выше в переходе к Космическому Лифту прогремел новый взрыв.

Борьба за выживание Посейдонии превращалась в кровавую гражданскую войну. А на запястье Марка оставалась лишь половина ключа от спасения планеты.

ГЛАВА 7: Свинцовый шторм

За переборкой снова ударили.

Тяжёлая дверь, только что отрезавшая Марка и Киру от разгромленной предшлюзовой палубы, вздрогнула всем корпусом, будто с той стороны в неё били не плазменными резаками, а средневековым тараном. В узком сервисном коридоре погасла половина аварийных полос. Оставшийся свет стал красным, рваным и злым.

Кира всё ещё смотрела на закрытую створку.

— Он был другим, — повторила она почти беззвучно.

Марк не успел ответить.

За дверью зашипел плазменный резак. В металл впилась ослепительная фиолетовая точка, затем медленно поползла вниз, оставляя на створке раскалённый шрам. С той стороны работали не вслепую. Они знали, где замок.

— У нас меньше минуты, — сказал Марк.

Он поднял левую руку. Экзоскелет отвечал с задержкой. После удара резаком защитный слой на предплечье почернел, а внутри сервоприводов что-то хрипло скрежетало. Инфо-кристалл с первой половиной Мастер-Ключа всё ещё светился под защитным кожухом на запястье. Маленькая янтарная точка казалась невозможной тяжестью.

Снаружи раздался голос Кая, усиленный вокализатором маски:

— Кира! Отойди от него! Последний раз говорю.

Кира закрыла глаза.

— Поздно, Кай.

Ответом стал новый удар. Из верхней части переборки брызнули искры.

Марк схватил её за плечо и потащил дальше по сервисному коридору. Здесь не было широких палуб и прозрачных стен диспетчерских. Только узкие технические проходы, кабельные лотки, клапанные блоки и резервные насосы. Над головой глухо работали аварийные вентиляторы, но дым всё равно стелился по потолку тяжёлым серым слоем.

— Куда ведёт этот коридор? — спросила Кира.

— К резервному лифтовому узлу. Если он не заблокирован.

— А если заблокирован?

— Тогда будем придумывать следующую плохую идею.

Она коротко усмехнулась.

Переборка позади наконец не выдержала. Металл выгнулся, как тонкий лист, и через дыру один за другим полезли штурмовики-Пловцы. Лёгкие гидрокостюмы, броневые вставки, маски-респираторы, иглострелы на магнитных ремнях.

Кай вошёл последним. Красные биолюминесцентные полосы на его ключицах пульсировали дикой яростью.

— Живым, — бросил он своим бойцам. — Марк Вэнс нужен вождю живым. Ключ на его руке не повредить.

Марк услышал это и похолодел. Кай понял слишком много.

— Кай, не делай этого! — Кира резко обернулась. — Это не пропуск на Ковчеги. Это половина запуска Абляционных лазеров. Если ты отнимешь кристалл, ты убьёшь не Верхний Город. Ты убьёшь океан.

— Океан убивали до нас, сестра, — ответил Кай. — Просто теперь он начал кричать об этом.

Бойцы рванулись вперёд.

Марк отступил, заслоняя Киру корпусом экзоскелета. В прямой схватке у него не было бы шансов против Пловцов: они были легче, быстрее, свободнее в собственных телах. Но это был доковый сервисный отсек, и Марк видел не стены, а схему.

Слева — распределительный щит гидронасосов. Справа — аварийный коллектор забортной воды. Под полом — дренажный канал. Над головой — силовой кабель на тридцать тысяч вольт, промышленная линия для насосов шлюза.

Где-то в глубине дока прогремел новый взрыв. Пол под ногами дёрнулся. Аварийный коллектор лопнул с сухим металлическим треском, и в сервисный коридор хлынул плотный поток забортного аммиачного рассола. Вязкий горячий сироп, насыщенный солями, тиной и сульфидной пылью ударил в палубу, взметнул едкий пар и за считанные секунды залил коридор до щиколоток.

— Нижний контур прорвало, — сказала Кира.

— Да. — Марк уже смотрел на щит. — Но иногда и нам везёт.

Она поняла на полсекунды позже.

— Док, ты же не собираешься...

— Кира, на леер. Ноги от палубы. Сейчас.

Он вогнал магнитные фиксаторы ботинок в сухие опоры кабельного лотка и приподнял экзоскелет над залитой палубой.

На этот раз она не спорила. Кремниевые хрящи спружинили, и Кира одним движением взлетела на верхний поручень. Пальцы с перепонками впились в рифлёный композит. Она повисла над бурлящей водой, подтянув ноги к животу.

Первый штурмовик уже был в десяти шагах.

Марк вцепился усиленными перчатками «Атланта» в крышку распределительного щита. Стальная панель не поддалась с первого раза. Сервоприводы взвыли, титановые суставы в его коленях приняли отдачу, позвоночный корсет впился в спину. На втором рывке болты вылетели из креплений, и бронированная крышка с визгом оторвалась от стены.

Внутри щита бешено искрили магистральные шины.

— Марк! — крикнула Кира сверху.

— Держись крепче!

Он ухватил кабель за толстую изоляцию. Силовая магистраль сопротивлялась, будто живая. Управляющий процессор экзокомплекса завалил внутренний нейроинтерфейс кучей предупреждений: перегрузка сервоприводов, риск пробоя, отключение вторичных контуров.

Марк рванул кабель вниз.

Медная жила толщиной с человеческое запястье вылетела из зажима и ударила в аммиачный рассол.

Вспышка ослепила коридор. Фиолетовые дуги пробежали по поверхности воды, разорвали пар на светящиеся нити и ударили в ноги штурмовиков. Их гидрокостюмы были рассчитаны на давление, солёную воду и перегрев, но не на промышленный ток шлюзовых насосов. Первых двоих швырнуло в переборку. Третий рухнул на колени, судорожно выпустив иглострел. Четвёртый успел прыгнуть на боковой выступ, но разряд достал его через мокрый кабельный лоток и отбросил куда-то в дым.

Кай стоял дальше, на сухой ступени аварийного шлюза. Его не задело напрямую. Но электромагнитный удар пробил защитный контур его резака. Оружие взорвалось в руке белым огнём и с хлопком разлетелось на раскалённые обломки.

Кай закричал и рухнул на ступень.

Кира дёрнулась на леере.

— Не двигайся! — рявкнул Марк.

Она замерла.

Аварийная защита отключила линию. Коридор наполнился едким белым паром. Вода по-прежнему прибывала с шипением, закручиваясь вокруг обугленного кабеля. Марк отбросил магистраль в сторону, отключил магнитные фиксаторы и попытался шагнуть назад.

Экзоскелет застыл. В глазах Марка поверх панорамы дока появилась багровая строка:

ПЕРЕЗАГРУЗКА ОСНОВНОГО КОНТУРА. ШЕСТЬ СЕКУНД.

Шесть секунд в доке, полном врагов, были вечностью.

Кай поднялся. Его правая рука дымилась, кожа на предплечье почернела, но левой он уже поднимал иглострел одного из упавших бойцов. Огромные тёмные глаза за маской смотрели на запястье Марка.

— Ты выбрала не ту сторону, Кира, — прохрипел он.

— Нет, — сказала она сверху. — Я выбрала шанс, что мы все не сгорим.

Кай вскинул оружие.

Марк не мог сдвинуться. «Атлант» превратил его в статую. Он видел ствол иглострела, видел дрожь обожжённой руки Кая, видел, как Кира готовится сорваться с леера прямо в воду, хотя остаточный заряд мог убить её на месте.

Выстрелить Кай не успел. Штурмовым зарядом в дальнем конце сервисного коридора разорвало очередную переборку. Металл сложился внутрь лепестками, и сквозь дым вошли тяжёлые силуэты в броне Верхнего Города. На них были не лёгкие гидрокостюмы Пловцов и не броня доковой охраны, а настоящие штурмовые экзокомплексы сил безопасности Сената. Их шаги грохотали по разлившейся воде, как удары кузнечных молотов. На плечах горели синие трезубцы с герба Посейдонии.

Впереди шёл капитан Брент.

Его экзоскелет был почти вдвое массивнее «Атланта-4»: угловатый, матово-чёрный, с тяжёлыми магнитными пушками на предплечьях и внешними резонаторами голоса под шей-

ным кольцом. Там, где Марк был инженером, которому дали машину для выживания, Брент был машиной для убийств.

— Оружие на палубу! — Его усиленный бас ударил в стены. — Лицом вниз!

Кай выстрелил первым. Иглы ударили в грудную пластину ближайшего бойца сил безопасности и отскочили бесполезными искрами. Ответный огонь не был предупредительным. Магнитные пушки рявкнули короткими, тяжёлыми очередями, срезая поручни, пробивая кабельные кожухи и вдавливая штурмовиков Кая в мокрый металл пола. Плазменные вспышки отражались в воде, всполохами освещая свинцовый шторм боя.

— Пловцов не добивать! — бросил Брент, не отводя прицела. — Нужны живые.

Тон приказа при этом был такой, что непонятно было, что хуже.

Кира спрыгнула с леера только тогда, когда стрельба стихла. Она приземлилась рядом с Марком, но её взгляд был прикован к Каю. Он понял, что проиграл. Но в отличие от Платформеров вода для него была родной стихией.

Кай сорвал с пояса световую гранату и швырнул её под ноги спецназу. Белая вспышка на мгновение ослепила всех. В ту же секунду он нырнул назад, в чёрный прямоугольник дренажного коллектора, откуда хлестал забортный рассол. Его тело скользнуло в поток легко, почти красиво, как когда-то в детстве, когда он показывал Кире дорогу к струнникам.

— Кай! — крикнула она.

Вода сомкнулась над ним.

Один из бойцов Сената навёл оружие на коллектор.

— Не стрелять! — резко сказал Марк.

Боец даже не посмотрел на него, его взгляд вопросительно обратился к Бренту. Брент поднял руку, и оружие опустилось.

— Док, — сказал капитан, подходя к Марку. — Вы целы?

Экзоскелет Марка наконец ожил. Основной контур перезагрузился, сервоприводы дёрнули плечи, возвращая телу свободу. Но облегчения не было. Он вдруг понял, что солдаты Брента стоят не вокруг него. Они стоят вокруг его запястья.

— Какого чёрта здесь происходит? — спросил Брент.

— Если коротко... — Марк перевёл дыхание. — Конец света теперь идёт быстрее, чем описано в ваших протоколах.

Капитан шагнул ближе и увидел инфо-кристалл под защитным кожухом.

— Это то, за чем вы спускались?

— Половина.

— Половина чего?

Кира ответила раньше Марка:

— Спасения.

Брент посмотрел на неё. Холодно, без ненависти, но и без малейшего признания равенства.

— Пловчиху тоже взять.

— Она идёт со мной, — сказал Марк.

— Я не спрашивал вашего разрешения, инспектор. Канцлер Корд объявил военное положение. Вы оба будете доставлены в Правительственный бункер. Немедленно.

Кира повернулась к Марку. В её глазах ещё стоял тёмный коллектор, куда исчез Кай. Но вместе с тем в них уже проступало и другое понимание: их не спасли. Их забрали.

Снаружи, со стороны Космического Лифта прокатился грохот нового взрыва. Где-то высоко над доком дрогнула вся конструкция города, и с потолка посыпалась серая пыль. Вой сирен сменился низкочастотным сигналом военного положения.

Брент коротко махнул рукой.

— Вперёд. Канцлер ждёт.

ГЛАВА 8: Цена выживания

Капитан Брент стоял посреди отсека бронетранспортера, намертво заклинив магнитные захваты штурмовых сапог в рифлёную палубу. При каждом толчке транспортёра металл его брони тяжело поскрипывал. Его взгляд был обращён на Киру, и этот взгляд не сулил ей ничего хорошего.

— Ты знала, что Кай командует отрядом Оркана? — спросил он.

Кира не ответила.

Брент сделал шаг ближе.

— Я задал вопрос, навигатор! Твой брат командовал группой, которая штурмовала доки сразу после вашего возвращения! Они прошли через служебные коридоры, обошли блокировки и использовали коды внутреннего доступа порта. Такие данные не находят случайно.

Кира медленно подняла на него огромные тёмные глаза.

— Я не передавала ему коды.

— А он сам научился открывать закрытые шлюзы? — Голос Брента зазвучал злее. — Или мне поверить, что две группы Оркана одновременно ударили по самым уязвимым узлам города без внешней помощи?

— Что Кай был среди нападавших, я поняла только в доках, — сказала Кира. — И о том, что идёт штурм Лифта, тоже. Он ничего мне не говорил.

— Но удар был синхронным: одна группа — по докам, другая — по терминалам Лифта.

Брент резко опустил тяжёлую ладонь на стальной поручень. Металл прогнулся под усилителями экзоскелета.

— Лифт — наша единственная связь с орбитальными Ковчегами. Моя семья живёт в Верхнем Городе, прямо под несущими тросами. Если эти выродки доберутся до якоря лифта, вся эта хренотень весом в миллионы тонн рухнет на планету и похоронит под собой половину Посейдонии! Поэтому я не стану принимать на веру ни твоё молчание, ни твою преданность инспектору!

Марк тяжело поднялся со своего сиденья. Повреждённая гидравлика «Атланта» глухо заныла.

— Капитан, прекратите истерику! Кира была со мной на глубине семидесяти километров, когда начался штурм доков. Именно она вывела «Вектор» из бездны, а потом вывела меня из-под огня. Без неё мы бы с тобой сейчас не разговаривали.

— Я не отрицаю, что она спасла тебя, док. — Брент перевёл взгляд на Марка. — Но это не отменяет того, что её брат пытался забрать Мастер-Ключ. И пока я не знаю, кто ещё знал маршрут вашей миссии, она остаётся подозреваемой.

Марк шагнул вперёд, закрывая Киру корпусом экзоскелета.

— Кира — мой ведущий специалист и находится под защитой Департамента планетарной инженерии. По закону Сената я, как Главный инспектор, имею право привлекать любой персонал во время ликвидации планетарной аварии. Она едет со мной к Канцлеру. Без её навигационных данных мы никогда не запустим лазеры.

Брент несколько секунд смотрел на него, словно решая, насколько далеко готов зайти спор между приказами двух ведомств.

— Хорошо, инспектор. До бункера она остаётся с тобой, там пусть решает Канцлер.

Он повернулся к Кире.

— Если выяснится, что хотя бы один код ушёл от тебя, никакой закон тебя не защитит.

Кира выдержала его взгляд.

— Тогда ищите доказательства, капитан. А не устраивайте охоту на ведьм.

— Именно этим я и занимаюсь! — процедил Брент сквозь зубы.

Он развернулся и ушёл в кабину водителя, с грохотом задвинув за собой бронированную переборку.

В десантном отсеке снова повисла тишина. Транспортёр качнуло на крутом вираже — они въезжали на магистральный пандус правительственного купола.

Марк тяжело опустился на колени прямо на грязную палубу рядом с Кирой. Сервоприводы экзоскелета со стоном отключились, переходя в режим гибернации, и свинцовая тяжесть Посейдонии навалилась на его тело, заставляя титановые импланты в коленях тупо, изнывающе ныть. Он осторожно положил тяжёлую перчатку на её хрупкое, обтянутое гидрокожей плечо.

— Спасибо... — едва слышно прошептала Кира, не поднимая головы. Её голос без вокализатора шлема звучал естественно, но очень слабо. — За то, что не отдал меня ему. Но Кай... Марк, он не родился террористом. Он вырос в Нижнем Городе, где каждому Пловцу с детства дают понять, что он создан для обслуживания чужих реакторов и не имеет права на собственное будущее. Оркан дал ему цель. Пообещал Плутон — мир без Платформеров, где Пловцы смогут построить свой дом. Кай искренне верит, что спасает наш народ...

— Я знаю, Кира. — Марк посмотрел на инфо-кристалл на своём запястье, где тускло мерцала первая половина Мастер-Ключа. — Я знаю.

Марк закрыл глаза. Транспортёр глухо бился подвеской о стыки магистрального тоннеля, и каждый удар отдавался болью в его искусственных коленях. Но боль постепенно отошла на второй план. Под мерный стук бронемашины его утомленный инженерный ум снова начал собирать разрозненные кусочки головоломки.

Он вспомнил янтарный экран терминала на глубине семидесяти километров. Красный символ блокировки. Холодный голос ИИ. Слова, которые тогда прозвучали как приговор: «протокол «Альбедо» заблокирован аппаратным решением Администраторов Земли. Требуется синхронизация с Тритоном». Технически всё было ясно. По смыслу — бессмысленно.

Зачем?

Чтобы поднять паровой экран над океаном, Тритон не требовался. Нужны были Абляционные Узлы, энергия ядра, исправные эмиттеры и правильная команда запуска. Простой планетарный холодильник. Рискованный, но понятный.

Инженеры Великого Исхода не оставляли лишних замков на критических системах. Они проектировали миры, а не сейфы. Если запуск был заперт на две половины Мастер-Ключа, значит, вторая половина служила не политической страховкой. Она была частью самого механизма.

Марк открыл глаза и коснулся коммуникатора на стене транспортёра.

— Брент.

Из динамика хрипнул голос капитана:

— Что ещё?

— Мне нужен защищённый канал с Сенатским Архивом. Прямо сейчас.

— Мы уже в режимном секторе. Внешняя связь закрыта.

— Тогда подними канал Службы Безопасности. По коду планетарной аварии.

— Зачем?

— Узел потребовал синхронизации с Тритоном. Я хочу перестать гадать, что именно должно ответить с той стороны.

На торцевой панели десантного отсека засиял синий трезубец. По экрану пробежали полосы шифрования, затем развернулось серое поле интерфейса защищённого терминала.

— У тебя четыре минуты, док, — сказал Брент. — Потом защитный контур бункера окончательно обрежет канал.

Марк подтянулся к панели. Кира придвинулась ближе. На экране появился герб Сенатского Архива, а затем — лицо Младшего Хранителя Лиана Ро, помощника Старшего Хранителя Адера.

— Сенатский Архив. Назовите допуск.

— Главный инспектор Марк Вэнс. Аварийный запрос Департамента планетарной инженерии. Поднимите все инженерные записи по Тритону, связанные с Протоколом «Альбедо», Абляционными Узлами и Мастер-Ключом.

Лиан Ро быстро взглянул куда-то за пределы экрана.

— Полный массив разбит между открытыми описями и зашифрованными пакетами. К закрытой части имеет доступ только Хранитель Адер из Главного зала по допуску Канцлера.

— Давайте всё, что открывается: каталоги, служебные индексы, технические приложения, карты сопряжения. Всё, где Тритон связан с донными Узлами.

— Принял.

Лицо Хранителя исчезло. Экран заполнили древние карточки, инженерные индексы и обрывки схем. Это были не готовые ответы, а сырой архивный материал: заголовки без пояснений, таблицы без расчётов, связи между системами, которые в современных справочниках давно существовали отдельно.

Марк читал, отбрасывал лишнее и тут же требовал следующий слой данных.

— Откройте индекс N-24/T-1.

— Открываю. «Сопряжённый комплекс планетарной стабилизации». Фаза А — атмосферное экранирование. Фаза Т — орбитальная коррекция.

— Карта исполнительных модулей Тритона.

На экране проступил разрез ледяной луны. Под корой тянулись знакомые по учебным схемам кольца глубинных реакторов и Гравитационные Якоря — древняя система, которой после Великого Исхода корректировали орбиту Тритона.

— В открытых каталогах Гравитационные Якоря Тритона проходят как законсервированный комплекс коррекции орбиты, — сказал Лиан. — А здесь Тритон обозначен как «внешний исполнительный узел системы».

Марк наклонился к экрану.

— Повторите.

— Внешний исполнительный узел.

— Дайте схему векторов смещения.

— Полной схемы нет. Есть служебная проекция.

Поверх разреза возникли тонкие линии расчётных траекторий. Кира всмотрелась в проекцию.

— Здесь рассчитано движение не одного Тритона, — тихо сказала она. — Векторы показывают направление смещения всей системы вместе с Нептуном. Смотри, орбита смещается дальше от Солнца на одну астрономическую единицу.

— Какой период планетарного манёвра? — спросил Марк.

Лиан вывел следующую таблицу.

— Смещение распределено на три столетия.

Марк смотрел на расчёт. До сих пор Якоря были для него законченным проектом Великого Исхода: коррекция орбиты Тритона — и последующая консервация. Но эта схема описывала совсем другое назначение. Якоря оставили способными снова изменить движение спутника, причём на этот раз расчёт охватывал уже не один Тритон.

Марк запросил тепловые графики, таблицы приливной нагрузки и аварийные примечания и наложил их на схему. Совпадение оказалось слишком точным. Режимы Абляционных Узлов были привязаны к этапам изменения орбиты Тритона. По мере удаления спутника Великий Прилив должен был ослабевать, снижая деформацию коры и нагрев глубинных слоёв, а донные Узлы — удерживать тепловой режим Посейдонии в безопасных пределах.

Но расчёт на этом не заканчивался. Новая орбита Тритона была не конечной целью. Якоря продолжали сообщать спутнику направленный импульс, а Тритон через гравитационную связь постепенно передавал его Посейдонии. Тогда, на протяжении столетий, вдаль от горящего Солнца смещалась уже вся система.

Теперь аппаратная блокировка становилась понятной.

Если запустить только Абляционные Узлы, Посейдония получит передышку. Альбедо-щит снизит тепловой поток от растущего Солнца, но сама планета останется на прежней орбите, а Великий Прилив продолжит деформировать её кору и разогревать глубинные слои. Рано или поздно океан снова начнёт перегреваться.

Если же запустить только Якоря, Посейдония начнёт орбитальный манёвр без защиты от усиливающегося солнечного потока. Тритон будет уходить постепенно, приливная нагрузка тоже снизится не сразу, а океан всё это время останется под двойным воздействием Солнца и Великого Прилива.

Именно поэтому Мастер-Ключ разделили. Ни одна половина системы не должна была запускаться отдельно от другой.

— Лиан, есть название проекта? — спросил Марк.

Хранитель пролистал индекс.

— Только архивный шифр и сокращённая аббревиатура: TRG-300. «Тритоновый Гамбит».

Марк снова задумался. Триста лет манёвра, а после него у Посейдонии было снова в запасе несколько тысячелетий.

— Сохраните подборку и передайте Хранителю Адеру, — сказал Марк. — Полные пакеты не выдавать по обычному запросу. Только через допуск Сената.

Лиан Ро кивнул.

— Передам.

Экран погас. Защищённый канал оборвался за секунду до того, как транспортёр вошёл под экранированный свод бункера.

Транспортёр со скрежетом затормозил. Бронированная аппарель десантного отсека с грохотом упала вниз, открывая залитый стерильным белым светом шлюз правительственного бункера.

ГЛАВА 9: Матрица власти

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.